

АРХЕОЛОГИЯ**ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВИТЕБСКА
В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ***канд. ист. наук, доц. Т.С. БУБЕНЬКО**(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

В XIV – XVI вв. военно-оборонительный фактор был важнейшим в общей системе планировки города. Требованиями обороны обуславливалась компактность застройки, пространственная замкнутость Витебска. Устойчивость уличной планировки вплоть до середины XVII в. обусловила устойчивость границ усадебных комплексов. Сопоставление сведений письменных источников XVII – XVIII вв. с данными археологии позволило установить приблизительные размеры дворов рядовых горожан. В большинстве своём усадебные комплексы были вытянуты вдоль улицы. Их длина составляла около 6 сажен, ширина 2 сажени и локоть, что в пересчёте на современную метрологию составляло 150 – 160 кв. м [3, с. 93]. Усадебные комплексы горожан вплотную примыкали к уличным мостовым, зачастую изгородь упиралась в торцы настила.

За усадебной оградой, состоящей из вбитого или вкопанного в землю частокола, размещался усадебный комплекс. Двор рядового витеблянина состоял, как правило, из жилища, клети, одного-двух хлевов. В ряде случаев во дворах зафиксированы отдельно стоящие погреба – «ледники», глубиной до 1,6 м. В состав усадеб богатых горожан кроме жилища входили дома челяди, жилища-мастерские придворных ремесленников. Так на усадьбе князя Огинского позади жилого дома располагались двухэтажные дома княжеской прислуги. Нижний этаж одного из таких домов использовался как ювелирная мастерская [4, с. 252 – 254].

Характеристика основных элементов жилищ позволила проследить развитие домостроительства в Витебске в позднем средневековье и в новое время. Эволюция шла от небольших однокамерных жилищ к многокамерным (тип конструкций); от изб рубленых в «верхнее обло» с остатком к постройкам, сооружённым в «чистый угол», от неземных одноэтажных жилищ к многоэтажным домам и, в первую очередь, к домам на подклетах. В плановой структуре происходят изменения, приведшие к сложению в XIV в. белорусского типа планировки жилищ – с печью в ближайшем от входа углу, который впоследствии стал господствующим.

Основным типом жилищ Витебска в XIV-XVIII вв., как и в предшествующий период, были бревенчатые дома, поставленные на дневную поверхность или слегка углубленные в землю. Вскрытые сооружения исключительно срубной конструкции. Размеры жилищ на детинце варьировали от 16 – 25 м² до 30 – 36 м². Жилища ремесленного люда были намного меньше – 12,5 – 14,5 м².

Конструктивная связь избы и сеней позволила выделить 4 основных типа жилища: 1) однокамерные постройки без сеней; 2) постройки, состоящие из отдельнорубленного жилого помещения и сеней; 3) двучастые сооружения, состоящие из цельнорубленной избы и сеней (пятистенки); 4) трёхкамерные срубы типа изба+сени+клеть.

В деревянном зодчестве средневекового Витебска, как и во всей лесной полосе, основным техническим приёмом при сооружении жилищ была рубка «в верхнее обло» (бел. «у чашку») с остатком. Ширина соединительной чашки в жилищах XV – XVI вв. равнялась толщине венцов, а с XVI в. соединительная чашка на 1 – 3 см уже брёвен постройки, в связи с чем последние подтёсывались в месте сочленения венцов сруба.

В слое XVI – XVII вв. встречено несколько жилищ, рубленых в «обло» с очень коротким остатком. Из-за небольших размеров остатка сооружения такой конструкции с внешней стороны напоминают постройки, рубленые «в чистый угол». Не исключено, что сооружения с малым остатком были их предшественниками [2, с. 51].

Постройки, рубленые в «чистый угол» (в «лапу»), появляются на рубеже XV – XVI вв., однако их максимум приходится на вторую половину XVI – XVII вв. Любопытно отметить тот факт, что срубы, рубленые в «лапу», являлись преимущественно нижними этажами жилищ на подклетах.

Среди сооружений жилого характера каркасная конструкция встречается внутри подклета рубежа XV – XVI вв. Рама каркаса, по-видимому, выполняла какую-то второстепенную функцию, не исключено, что она поддерживала потолок. Каркас состоял из двух параллельно положенных брёвен толщиной 16 x 24 см, на концах и в центре которых имелись отверстия для вхождения шипа вертикальных столбов-опор. Подобная каркасная конструкция известна среди сооружений Верхнего замка [8, с. 20].

Две постройки на Верхнем замке предположительно квалифицированы как производственные (одна по обработке камня, другая – кожевенная мастерская). Конструктивно срубы хозяйственных построек почти ничем не отличаются от жилищ. Различие лишь в материале сооружения. Это, как правило, брёвна толщиной 14 – 16, реже 18 см. В отдельных случаях зафиксировано применение брёвен лиственной породы наряду с сосновыми. Столбовые постройки, напротив, обнаруживают большое разнообразие в устройстве и деталях. Это постройки «в паз» («у шулы») с вертикальной и горизонтальной закладкой

стен брусьями либо досками; «в замет», представляющие собой конструкцию стен в виде попарно вбитых кольев толщиной 8 – 12 см и заложеными между ними жердями; лёгкие навесы («повети») – кровля из жердей 4 – 6 вкопанных столбах-опорах без стен, но нередко имеющих дощатую вымостку.

Раскопками выявлены столбовые постройки рамной конструкции [13, с. 124 – 125] двух типов. Первый представляет собой основание из двух параллельно уложенных на землю брёвен, на концах которых имелись сквозные пазы, куда вставлялись столбы-опоры, державших перекрытие. Эти постройки внешне похожи на лёгкие навесы – «повети». Второй тип – это каркас (рама) в виде четырёхугольника из кругляка, бруса или колод, соединённых между собой в обло, либо встык, в которых имелись пазы, куда вставлялись столбы-опоры, имеющие специальный шип. В свою очередь столбы-опоры имели продольные пазы, куда вставлялись брусы или толстые доски, образуя таким образом стены постройки.

В слое XVI в., обнаружены также остатки свайной постройки. Сохранились лишь три ряда из 22 свай, вбитых до материка. Размеры постройки 3,9 × 4,8 м. Расстояние между сваями 1,5 – 2 м. Сваи дубовые и сосновые (брёвна толщиной 22 – 32 см) сохранились на длину до 4 м и более. Внутри сооружения – печь-каменка из валунов на глиняной подушке. Остатки постройки перекрыты слоем (толщиной 40 – 60 см) дробленого камня и крупнозернистого песка. Здесь же найдено 20 каменных ядер, возможно, это была мастерская по обработке камня.

Огромное количество щепы возле домов является свидетельством рубки сооружений внутри усадеб, этого является. Лишь в двух жилищах XVII – XVIII вв. с внутренней стороны стены зафиксированы вертикальные насечки-зарубки указывающие на рубку и сборку сооружений за пределами города.

Как и в предшествующий период основным строительным материалом при сооружении витебских жилищ, являлась сосна. С XIV в. в домостроительстве начинают интенсивно использовать ель. Иногда для возведения нижних венцов подклетов многоэтажных домов употребляли дуб. Для возведения стен использовали древесину небольшого диаметра (17 – 24 см), причём, толщина венцов более 20 см характерна лишь для домов XIV вв. Подтеска венцов изнутри и снаружи характерна для подклетов многоэтажных домов.

Любопытна конструкция стен в одном из жилищ XVI в. Брёвна толщиной 25 – 30 см подтёсывались изнутри, снизу и сверху. Два таких подтесанных бревна, один венец составляли, общий диаметр которого увеличивался до 45 – 60 см.

В жилищах состоящих из цельнорубленых избы и сеней, врубка венцов разделительной стены осуществлялась двумя способами: сквозным и глухим. В последнем случае концы венцов подтесывались на клин.

Большинство построек древнего Витебска, в первую очередь, жилища и клети сооружались на фундаментах. Для сооружений XIV – XV вв. характерны следующие конструкции фундаментов: подкладки с брёвен под углы и стены сруба; довольно часто в качестве фундаментов использовались нижние венцы предшествующих построек («подруба»); деревянные колоды под углы и стены срубов двух видов: четырёхугольные брусья (30 × 20 см) и столбы диаметром 28 – 30 см. Каменные фундаменты двух видов: а) одиночные каменные стулья под углами и стенами срубов; б) сплошные фундаментальные площадки высотой 75 – 80 см. Фундаменты данного типа на территории Белоруссии отмечены лишь на севере и северо-западе, где ледник оставил множество камней.

Заканчивая обзор фундаментов, следует также отметить, что типы 3 и 4 на встречаются со второй половины – конца XVII в. К этому же времени следует отнести постройки, сооружённые на глиняной подушке, служившей для гидроизоляции.

Основная масса вскрытых жилищ имела совершенные в конструктивном отношении полы, уложенные на 1 – 3 лаги. В изучаемый период существовало 3 способа устройства переводин: 1) укладка непосредственно на грунт; 2) сквозная врубка; 3) глухая. Причём последний способ крепления переводин зафиксирован в сооружениях Верхнего замка не ранее XIV в., Нижнего – XVI в. Количество переводин в жилище зависело от его размеров: в постройках площадью до 20 м², как правило, было 2 лаги, в больших – 3, причём средняя вырубалась возле самой печи. Полы на одной лаге встречены исключительно в сооружениях типа клети. Для изготовления переводин использовали только сосновые, или дубовые брёвна, иногда вторичного употребления.

Вскрытые в жилищах полы изготовливались из колотых досок шириною 18 – 24 см (толщина 3 – 4,5 см). Иногда их ширина достигала до 40 – 50 см при толщине 10 – 16 см. Располагались полы чаще всего на уровне 1 – 2 или 2 – 3 венцов, более высокое их устройство характерно лишь для домов на подклетах. Концы половиц примыкали к стенам сруба, однако закрепление их между венцами зафиксировано только в двух жилищах. В первом случае концы половиц были зажаты между венцами, во втором вставлены в паз шириною 2 см, вырубленный в венце сруба. Подобные способы крепления половиц характерны для жилищ Верхнего замка Витебска. Поскольку жилища существовали довольно продолжительное время, в ряде построек отмечены следы ремонта. Как отмечает исследователь Верхнего замка Л.В. Колединский, лаги нового пола нередко врубались в стены сруба техникой глухой врубки, под лаги вкладывались нивелировочные подкладки, изменялся материал половиц (вместо колод доски либо наоборот), нередко изменялась и ориентировка пола [8, с. 22].

Археалогія

Помимо дощатых полав в сенях двухкамерного сооружения начала XVII в. встречен брусчатый пол, выложенный из валунного камня размерами 8 x 10 – 25 x 30 см. Причём первоначально пол здесь отсутствовал вообще. Земляные полы, по-видимому, были и в подклетах, поскольку при отличной сохранности стен срубов отсутствуют какие бы то ни было детали устройства пола.

Приподнятый пол сооружений, наличие фундаментов указывают на то, что здесь принимали всевозможные меры для сбережения жилищ от сырости. Стремлением утеплить нижнюю часть жилищ можно объяснить существование в XIII и XVI вв. жилищ, углубленных в землю на 40 – 80 см, по типу полуземлянок. В отличие от наземных срубов, такие жилища рубились из очень тонких брёвен диаметром 8 – 14 см и ставились непосредственно на грунт. Это обстоятельство наталкивает на предположение о наличии в углубленных в материк жилищах наружной земляной подсыпки для улучшения её тепловых качеств [11, с. 133].

Среди жилищ XVII в. встречены сооружения, имеющие кроме основного сруба, внешний венец, который проходил вдоль одной-двух стен постройки. Подобные конструкции встречены, правда, в древнерусское время в Минске, Полоцке, Гродно, Давид-Городке, Новгороде. Незначительное удаление внешней стены от основного сруба (0,3 – 0,4 м) и небольшая высота (0,2 – 0,5 м) позволяет рассматривать внешний венец как завалинку [2, с. 56].

Третья часть вскрытых жилищ сохранилась на высоту 4-8 венцов. Однако, устройство верхних частей (дверных проёмов, окон) прослежено лишь в 4-х срубах XVI – XVII вв. Удалось выделить два способа устройства дверных проёмов. В конструктивном отношении проёмы первого типа наиболее просты: с внутренней стороны в нижнем венце вырубался паз шириною в четверть бревна (глубина 4 см) для притвора двери, в одном из углов которого имелось гнездо «под пятку». Косяк представлял собой прямоугольный брус с двумя пазами: для вхождения дверного полотна, с одной стороны, и для крепления брёвен стены, с другой.

Второй способ устройства проёма зафиксирован в постройке конца XVI в. Он вырублен в нижнем венце на уровне верхнего полубревна. Порожек состоял из двух скрепленных при помощи шипов плах, причём, для плотного прилегания дверного полотна, ширина их делалась различной: с внешней – 24 см, внутренней – 10,5 см. С внутренней стороны имелось углубление «под пятку» двери. Столб-косяк для крепления брёвен имел, как и косяк типа I, два паза: для закидки брёвен стены техникой «в шулу» и для плотного прилегания двери. Ширина дверных проёмов колебалась от 62 до 87 см.

Описанные типы устройства дверных проёмов были распространены в домостроительстве во второй половине XVI—XVIII вв. Дверное полотно могло состоять из одной массивной доски размерами 120 × 62 × 6,5 см, имеющей шипы для крепления двери (XVI в.), или же собираться из 3 – 4 досок шириною 20 – 27 см, крепившихся деревянными планками с параллельным расположением. В слое XVII в. найдены железные дверные петли – «жиковины». В жилищах конца XVI – XVII вв. дверной проём располагался в 1 – 2 венце.

В многокамерных жилищах Витебска в XVI в. появляются застекленные окна, о чём свидетельствуют находки круглого и прямоугольного оконного стекла. Судя по «Чертежу Витебска 1664 г.», оконные проёмы представляли собой близкие к квадрату вырубке высотой в несколько венцов, в которые вставлялась застеклённая четырёхчастная деревянная рама [12, вклейка]. Археологически данный способ устройства оконных проёмов пока не прослежен. В однокамерных жилищах, судя по аналогиям с другими городами, окна были «волоковыми». Такая конструкция окон встречена в Витебске в срубе конца XVIII в. Окна представляли собой вырубку размерами 15 × 24 – 69 см, причём изнутри они были на 15 – 16 см шире, чем снаружи. Располагались окна на уровне 6-го венца в противоположных стенах сооружения и являлись своеобразной вентиляционной системой, особенно при отоплении изб по-чёрному.

Элементы кровли представлены фрагментами «кокошин», «самцов», гонта и черепицей четырёх типов: полуциркульной, коньковой, плоской и волнистой. Привлекая этнографический материал и архивные данные можно составить общее представление о типах кровли в жилищах Витебска.

Самой распространённой формой кровли в изучаемый период была двухскатная крыша на самцах. На территории Белоруссии она была широко распространена вплоть до недавнего времени. В слое XVI в. найден «самец», посередине которого имелось сквозное отверстие, скорее всего, для центральной балки – «трама», применявшейся в конструкции арочного потолка, хорошо известный по этнографическим материалам XIX в. В постройках столбовой конструкции, как правило, сооружалась односкатная крыша «на сохах» [7, с. 33]. В XIV в. в Витебске начинают появляться четырехскатные крыши, которые первоначально применялись лишь в замковом строительстве, в частности для оформления верха башен, использовавшихся в мирное время в качестве жилищ. Дома рядовых горожан крылись, как правило, гонтом или тёсом. Найденный при раскопках «гонт» представляет собой дубовую дощечку с заострённым концом. Его размеры 22 × 39 × 0,8 – 2,4 см. Живописную монастырскую черепицу стали употреблять лишь с появлением четырёхскатных крыш (XIV в.). В XVII в. среди жилищ зажиточной части населения города встречаются четырёхскатная и шатровая форма кровли, иногда заканчивающаяся маковкой или шаром и маковкой [9, с. 90 – 91]. Подавляющее большинство жилищ в течение рассматриваемого периода несомненно было одноэтажным. Однако, среди богатых жилищ существовали двухэтажные дома на подклетах.

Наиболее ранние подклеты, выявленные в процессе археологических исследований на территории Нижнего замка, относятся к рубежу XV – XVI вв., однако, широкое распространение они получили лишь со второй половины XVI в. По сути дела, подклеты являлись нижними этажами дома, но высота их не превышала 1,6 м. Сооружения могли использоваться в качестве хранилищ для продуктов и имущества, производственных помещений или как жильё. М.Г. Рабинович, ссылаясь на источники, подчёркивает, что в рядовых русских жилищах XVI – XVII вв. зачастую употреблялся высокий «жилой» подклет [10, с. 83]. Он выделяет два вида сооружений: подклеты со входом и глухие. Витебские подклеты, как правило, глухие, вход в них вёл из основного помещения. Подклет со входом встречен лишь во второй половине XVII в. на усадьбе князей Огинских [4, с. 253]. Нижние этажи многоэтажных жилищ были как наземными, стоящими на фундаментах, так и углублёнными в землю до 0,8 – 1,3 м. В зависимости от назначения высокие подклеты имели волоковые или застеклённые окна.

Как выглядели верхние этажи можно судить лишь по постройкам, изображённым на «Чертеже Витебска 1664 г.». Жилая часть дома (горница) была, по-видимому, той же конструкции, что и подклет. Однако вдоль стен сруба могла проходить галерея [12, вклейка].

Тип богатого многоэтажного жилища представлен домами Горского, Огинского и Шапки. В конструктивном отношении дом возле Благовещенской церкви не был сложным. Дом, по-видимому, имел высокий подклет, выложенный из камня. Вокруг постройки шла открытая ходовая галерея, которую поддерживали мощные столбы-опоры. Светлица имела застеклённые окна и красивую изразцовую печь, в зеркало которой были вмонтированы гербовые изразцы рода Огинских с изображением «Агинца», «Котвицы» и литер «S. K. O. P. W. T. K» [5, с. 36]. По внешнему виду описанный дом напоминал дом Горского, изображённый на «Чертеже г. Витебска» 1664 г.

Основная часть дома князя Огинского, расположенного в восточной части Нижнего замка, напротив Алексеевской церкви, — вытянутый прямоугольник, поднятый на подклет и окружённый галереей, к которому примыкали шестигранный объём с широкой наружной лестницей и высокая, крытая шатром башня [4, с. 253].

По изображениям на «Чертеже» можно составить представление о внешнем виде дома писаря, В. Шапки и доме-дворце князя Огинского, которые располагались в восточной части Нижнего замка.

Дом Шапки состоял из двух расположенных под углом корпусов и высокого входа в виде восьмигранной башни, повторяющей формы башен-«кругликов» витебских замков. Дом имел высокий подклет, жилая часть располагалась в два этажа.

Во вскрытых постройках печь располагалась, как правило, справа или слева от входа. Только в одном жилище XVI в. развал печи зафиксирован в правом дальнем углу. В XVII в. зафиксировано довольно интересное оформление печного угла: пазы между венцами стен обшивались досками 10 x 2,5 см или же обмазывались глиной. Подобная обмазка в месте расположения печи встречена и на Верхнем замке Витебска.

Положение входа в избе установить гораздо труднее, чем соотношение печи и входа, поскольку удалось зафиксировать всего лишь 4 входа. К тому же встречены постройки, в которых пол настлан параллельно входу. В постройке XVII в. пол перестилался: первоначально настил шёл параллельно дверному проёму, последующий – «по ходу». А в двухкамерном жилище того же времени, в разделительной стене, сохранившейся на высоту 8 венцов, дверной проём вообще не зафиксирован. На наш взгляд, при определении входа всего следует учитывать взаимное положение избы и двора, улицы, оград, ворот и хозяйственных строений. Вскрытые при раскопках города остатки уличных мостовых, частоколов и дворовых вымосток и их соотношение с жильём указывают на то, что витебские жилища всегда располагались к улице тыльной стороной.

Из этнографической литературы известно, что изба с печью в углу при входе являлась преобладающим видом жилищ для Белоруссии и принадлежала к западнорусской разновидности внутренней планировки [1, с. 219]. В белорусском типе этой разновидности полаты примыкали к боковой от входа стене, а устье печи обращалась к входу.

Внутренняя планировка жилищ сложной конструкции заметно отличались от плановой структуры однокамерных изб. Вход в постройку вёл через узкое помещение, а печь стояла слева от входа в большом квадратном помещении. Судя по материалам других городов, такая схема являлась общепринятой для двухкамерных построек ещё с древнерусского времени.

Во второй половине XVII в. в Витебске появляются и трёхкамерные жилые сооружения. Любопытно отметить, что в таких постройках печь располагалась в сенях справа от входа. Тыльной стороной она примыкала к жилому помещению, однако была отделена от последнего сплошной стеной из толстых брёвен. Подобное не отапливаемое жилище, в которое проходили через «избу» с печью (т.е. сени – Т.Б.) встречено в Москве в доме-пятистенке XIV – XV вв. [10, с. 166].

Печи являются одним из наиболее стабильных элементов жилья. На территории города к настоящему времени исследовано около 3 десятков развалов печей XII – XVII вв., из них лишь 7 встречены вне сооружений. Основным типом печей этого времени являлись глинобитные, сооружённые целиком из глины, появляются на территории Витебска на рубеже XIII – XIV вв. Являясь результатом влияния южной строительной традиции, глиняные печи Витебска претерпевают некоторые изменения: в состав материала печей XIV – XVII вв.

Археалогія

входит значительное количество крупных камней, по-видимому, для лучшего прогрева печи и удержания тепла. В конце XVI – XVII вв. на территории окольного города появляются глиняно-кирпичные печи, что связано, скорее всего, с развернувшимся в этот период монументальным строительством и налаженным производством кирпича. Начиная с XVI в. внешняя поверхность печей второго типа облицовывается изразцами: горшковыми (XVI – нач. XVII вв.) или коробчатыми (XVII – XVIII вв.).

Встреченные в слое второй половины XVI в. печи-каменки позволяют продлить верхнюю границу их существования до этого времени.

В рядовых жилищах прослежено два способа установки печей: на деревянных опечках и непосредственно на землю, причём последний способ был явно преобладающим. Наиболее ранний тип опечков – столбовой – представлен остатками столбов или брусьев по углам печи. Более детально проследить их устройство невозможно из-за фрагментарности конструкций. Опечек глинобитной печи XVII в. размерами 1,8 x 3,7 м состоял из 10 досок шириною 20 – 32 см, уложенных на короткие лаги. Поземные печи устанавливались непосредственно на землю без каких-либо подкладок. Поды в глинобитных печах состояли из валунного камня, кирпича или просто мощной глиняной подушки толщиной до 20 см.

Заканчивая рассмотрение печей следует остановиться на способах удаления дыма. Основная масса домов представляла собой традиционные курные избы, откуда дым выходил через дверной и оконные проёмы. Однако с конца XVI в. на территории города существовали т.н. «белые избы», из которых дым выводился при помощи дымохода. На данный способ вывода дыма указывают изображённые на «Чертеже м. Витебска 1664 г.» дома с выведенными наружу трубами и некоторые письменные документы, в которых сообщается о наличии в городе светлиц. Отсутствие копти на оконном стекле и лицевых пластинах изразцовых печей также указывает на наличие дымоходов в домах богатых и даже зажиточных горожан.

Анализ жилищ города свидетельствует о преемственности основных домостроительных традиций в городах лесной полосы Восточной Европы. На конструктивное развитие жилищ средневекового Витебска оказывали влияние и социально-экономические факторы, примером чего может служить разделение жилищ на простейшие однокамерные и богатые многокамерные дома, прослеженное на археологических материалах XVII в. Письменные источники конца XVI – XVIII вв. также свидетельствуют, что наряду с ремесленниками и купцами на территории Нижнего замка проживали земьяне (бояре), бояре панцырные, князья [6, с. 475 – 481]. Последние иногда владели несколькими домами как, например, князь Симон Огинский, которому принадлежал двухэтажный дом на высоком подклете в восточной части Нижнего замка и дом на каменном фундаменте в западной части Нижнего города.

Таким образом, в XVII веке появляется тот тип сложного, многочастного жилища, который станет одним из наиболее характерных для рядового жилища Витебска в XVIII – XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бломквист, Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов / Е.Э. Бломквист // Тр. ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М. – 1956. – Т. 31: Восточнослав. этногр. сб. – С. 4 – 458.
2. Бубенька, Т.С. Жыллё феадальнага Віцебска / Т.С. Бубенька // 3 глыбі вякоў. Наш край: Гісторыка-культуралагічны зборнік. – Мінск. – 1992. – № 1. – С. 46 – 68.
3. Бубенько, Т.С. Нижний замок – экономический центр Витебска XIV – XVIII вв. / Т.С. Бубенько // *Castrum, urbis et bellum*. Барановичи. – 2002. – С. 90 – 117.
4. Бубенько, Т.С. Усады кн.Огинских в Витебске или новые дополнения к «Чертежу» м. Витебска 1664 г. / Т.С. Бубенько // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы международной научно-теоретической конференции Витебск, 19 – 20 апреля 2007 г. – Витебск. – 2007. – С. 252 – 254.
5. Бубенько, Т.С. Площадь 1000-летия Витебска: итоги исследований и перспективы благоустройства / Т.С. Бубенько // 90 год Віцебскаму абласнаму краязнаўчаму музею: матэрыялы навуковай канферэнцыі, 30 – 31 кастрычніка 2008 г. – Мінск. – 2009. – С. 30 – 37.
6. Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изданных под ред. архивариуса сего архива Сазонова. – Витебск. – 1891. – Т. XXII.
7. Калядзінскі, Л.У. Дзядзінец – Верхні замак Віцебска / Л.У. Калядзінскі // Памяць: Віцебск. У 2-х кн. Кн. 1. – Мінск. – 2002. – С. 32 – 37.
8. Колединский, Л.В. Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска / Л.В. Колединский, М.А.Ткачёв // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII – XIV вв. в северо-западной части СССР. – Рига. – 1983. – С. 19 – 23.
9. Красьянскі, В.Р. «Чарцёж» места Віцебску 1664 г. як дакументальны помнік да гісторыі беларускага драўнянага будаўніцтва / В.Р. Красьянскі // Запіскі аддзела гуманітарных навук. – Мінск. – 1928. – Т. 1. – Кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва. – С. 39 – 93.

10. Рабинович, М.Г. Русское жилище XIII – XVII вв. / М.Г. Рабинович // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М. – 1975.
11. Раппопорт, П.А. Древнерусское жилище VIII – XIII вв. / Раппопорт П.А. // САИ. М. – Л. 1975. Вып. ЕІ-32.
12. Сапунов, А.П. «Чертеж» города Витебска 1664 г. / А.П. Сапунов // Витебск. – 1910.
13. Ткачев М.А. Постройки древнего Витебска XII – XVII вв. / М.А. Ткачев, Л.В. Колединский // Древнерусский город. – Киев. – 1984. – С. 123 – 126.

КУЛЬТУРНЫ ПЛАСТ ПОЛАЦКА IX – XVIII СТСТ. І БЫТАВАЯ КЕРАМІКА

*канд. гіст. навук, дац. Дз.У. ДУК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Прадстаўлена характарыстыка культурнага пласта Полацка IX – XVIII стст. з розных гістарычных частак. Прыведзены аналіз асноўных груп полацкага керамічнага посуду на прыкладзе самай распаўсюджанай катэгорыі – керамічных гаршкоў. Зроблена выснова аб бытаванні ў Полацку ляпной керамікі да сярэдзіны X ст., керамікі, сфармаванай на нажным ганчарным крузе да пачатку XVII ст., і керамікі, зробленай на нажным крузе – з другой чвэрці таго ж стагоддзя. Прыведзены апісанне культурных напластаванняў Полацка, тэрыторыі іх распаўсюджвання і керамікі, знойдзенай ў гэтых напластаваннях.

Культурны пласт – гэта важная гістарычная крыніца па рэканструкцыі пытанняў тапаграфіі, характарыстыкі сацыяльнага статусу жыхароў сярэднявечага горада, умоў жыцця і характару іх дзейнасці. Археалагічныя метады даследавання культурнага пласта з’яўляюцца адзіна магчымымі ў яго вывучэнні. Неацэннае значэнне археалагічных даных у рэканструкцыі гісторыі Полацка прыходзіцца на перыяд сярэднявекі (VI – XV стст.), па гэтым перыядзе корпус пісьмовых крыніц мае фрагментарны характар.

Бытавая кераміка – самая распаўсюджаная катэгорыя археалагічных знаходак, і на сённяшні дзень яе вывучэнне дае магчымаць атрымаць даныя пра распаўсюджванне раннегарадскіх напластаванняў на падставе знаходак ляпной керамікі (другая палова VIII – X стст.), напластаванняў, сінхронных па часе знаходкам гаршкоў, зробленых на ручным ганчарным крузе (другая палова X – XVI стст.) і нажным крузе (XVII – XVIII стст.). Сярод бытавой керамікі асноўная колькасць – гэта кухонны посуд, прадстаўлены пераважна рэшткамі гаршкоў.

Так, да апошняга часу ляпная кераміка культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў з’яўлялася асноўным маркерам для вызначэння храналогіі летапіснага Полацка IX – X стст. А паколькі час існавання керамікі культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў мае дастаткова шырокія храналагічныя межы (сярэдня VIII – X стст.), то многія пытанні храналогіі раннесярэднявечага Полацка заставаліся дыскусійнымі. Тым не менш, найноўшыя археалагічныя даследаванні ў г. Полацку дазволілі вызначыць, што кераміка з’яўляецца надзейным хроніндыкатарам для датавання раннесярэднявечных напластаванняў і час існавання асобных тыпаў гаршкоў паводле рэчавага матэрыялу і даных радыёвугляроднага аналізу датуецца канцом VIII – IX стст. [1; 2].

Ляпная кераміка выяўлена на полацкім гарадзішчы, паселішчы-перадграддзі на правым беразе Палаты і асноўным паселішчы (вакольным горадзе) на месцы Ніжняга замка. Невялікая колькасць ляпной керамікі знойдзена ў Запалоцці, на поўнач ад гарадзішча і Запалоцкага пасада, а таксама на плошчы Свабоды ў межах сцяны вакольнага горада.

Ніжні стратыграфічны пласт гарадзішча ўтвораны светла-шэрай з карычневым адценнем арганікай, вельмі мяккай, сухой і аднароднай па структуры. Гэты пласт мае магутнасць ад 0,2 м да 0,5 м, прадстаўлены па ўсёй плошчы раскопа за выключэннем асобных мацерыковых ям. Зафіксаваны на глыбіні каля 2,5 м у паўночнай частцы гарадзішча. У гэтым арганічным рэчыве, якое вельмі нагадвае торф, адсутнічаюць камяні і вугаль, знаходкі прадстаўлены рэдкімі фрагментамі сценак ляпных гаршкоў, а таксама косткамі жывёл. Гэты пласт ўтварыўся ў часы пражывання на полацкім гарадзішчы насельніцтва днепра-дзвінскай культуры. З гэтага пласта паходзіць і невялікая колькасць венцаў ляпных гаршкоў (13 шт.), аднак знойдзены яны былі ў ніжняй часткі сярэдняга стратыграфічнага гарызонта разам з асноўнай часткай ляпной керамікі банцараўска-тушамлінскай культуры і культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў. Гэтыя гаршкі аздоблены ямкавым арнамантам пад венцам. Аналагічны посуд знойдзены ў культурных напластаваннях гарадзішча днепра-дзвінскай культуры мяжы старой і новай эры [3, с. 102].

Спробы адшукаць пласт з ляпной керамікай днепра-дзвінскай культуры па-за межамі гарадзішча былі безвыніковымі. Гэта характэрна для ўсіх археалагічных помнікаў днепра-дзвінскай культуры, якія прадстаўлены выключна гарадзішчамі [4, с. 50].

Культурны пласт з ляпной керамікай трэцяй і апошняй чвэрці I тыс. на гарадзішчы захаваны ў моцна перамяшаных напластаваннях ніжняй часткі сярэдняга стратыграфічнага гарызонта (падробнае апісанне яго прыведзена ніжэй). Асноўная колькасць ляпной керамікі гарадзішча была знойдзена менавіта тут. З яе складу вылучаюцца тыповыя формы гаршкоў культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў канца VIII – X стст. (большасць усіх венцаў).